

Хотён Блудович (8)

В стольном городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира
Собиралось пируваньце, почестен пир,
На многих князей, на бояр.
На русских могучиих богатырей
И на всю паленицу удалую.
Красное-то солнышко навечере,
Почестен пир идет навеселе.
За тьма столами за дубовыма сидело две вдовы:
Первая вдова — честно-Блудова жена,
А другая вдова — Часовая жена.
Честная вдова честно-Блудова жена
Наливала она чару зелена вина,
Подносила к честныя вдовы Часовой жены,
Говорила-то она таковы слова:
— Ах ты, честная вдова, Часовая жена,
Станем мы есть-пить в одном месте,
Станем с тобой родню творить:
Как у меня есть чадо любимое
Молодой Хотёнышка Блудович,
У тебя есть дочушка Офимьюшка.
Эта зла баба зубатая, Часовая жена,
Она чарочки зелена вина не выпила,
По ясны очи ей чарочку вылила:
— А как твой был мужище-то Блудище,
А сынище-то твой уродище:
Он ходит по городу — уродует,
Ищет-то упалого зерничка,
А чем бы ему голова пропитать.
А моя-то дочушка Офимьюшка,
Сидит она во тереме высокчем,
Сидит-то она ровно двадцать лет:
На ню буйные ветрышки не веяли,
На ню красное солнышко не пекло.
Още есть у меня двенадцать сыновей;

Оны ездят во чистом поле, полякуют,
Хочут-то поймать молода Хотёнушка:
Захочу — его при себе держу,
Захочу — его под барина отдам.

Честная вдова честно-Блудова жена
Со честна пира пошла невесела,
Закручинилась она, запечалилась,
Ясны очи утопила во сыру землю.
Из того из терема высокого
Выходил ей встречу млад Хотёнушко,
Говорил-то Хотён таковы слова:
— Ай же ты, государыня моя матушка!
Что ты со честна пира идешь невесела,
Закручинившись идешь, запечалившись?
Или чарочкой тебя приобнесли,
Али место на пиру было не полюби,
Али пьяница-дурак насмеялся ти?

Говорила вдова таковы слова:
— Ай же ты, свет мое чадо милое,
Молодой Хотён честно-Блудов сын!
Чаркой меня не приобнесли,
А и место на пиру было полюби,
И пьяница-дурак не насмеялся мне,
Насмеялась мне Часовая жена.
Наливала я чарочку зелена вина,
Подносила ко той вдовы, Часовой жены,
Говорила ей таковы слова:
«Ах ты, честная вдова, Часовая жена!
Станем мы есть-пить в одном месте,
Станем мы с тобой родню творить:
Как у меня есть чадо любимое,
Молодой Хотенушко Блудович,
У тебя есть дочушка Офимьюшка.»
Честная вдова, Часовая жена,
Она чарочки зелена вина не выпила,
Во ясны очи чарочку вылила,
Говорила сама таковы слова:
«А как твой был мужище-то Блудище,
А сынище-то твой уродище:

Он ходит по городу — уродует,
Ищет-то упалого зерненка,
А чем бы ему голова пропитать.
А моя-то дочьюшка Офимьюшка,
Сидит она во тереме высокочом,
Сидит-то она ровно двадцать лет:
На ню буйные ветрышки не веяли,
На ню красное солнышко не пекло.
Още есть у меня двенадцать сыновей,
Оны ездят во чистом поле — полякуют,
Хочут-то поймать молода Хотёнушка:
Захочу — его при себе держу,
Захочу — его под барина отдам.»

Говорил Хотен честно-Блудов сын:
— Ай же ты, государыня моя матушка,
Не пустым ли она похваляется?

Взял-то матушку за белы руки,
Привел ю во посельшко вдовиное,
Сам седлал добра коня богатырского,
Брал с собой служку Панюточку,
И поехал во раздольице чисто поле.

Уснул Хотён во крепкий сон,
Сам наказывал службе Панюточке:
— Ты гляди, как поедут двенадцать братъицев родимых,
Станут оны как призарыскивать,
Ты буди меня со крепка сна.

Как увидел Панюточка двенадцать братъицев родимых,
Он садился на добра коня богатырского,
Поехал стрету тым братъицам родимым:
Трех-то братъицев конем потоптал,
Трем-то братъицам голову срубил,
Шестерых-то братъицев во полон взял,
Приводил к Хотенышку Блудовичу,
А сам говорил таковы слова:
— Ай же ты, Хотен, честно-Блудов сын,
Ты вставай-ка со крепка сна:
Я сработал-то твою работушку.

Говорил Хотён честно-Блудов сын:
— Не свою ты работушку работаешь:

Ты столько знай щи-каша варить,
Щи-каша варить, да меня кормить.

Садилась оны на добрых коней,
Повезли шестерых Часовых сыновей
И приехали-то к ней поселышку,
Ко ея палатам белокаменным.
Он ударил по вереям по булатным
И вскричал громкиим голосом:
— Ах ты, зла баба зубатая!
Отдавай-ка дочушку Офимьюшку;
Захочу — Офимью за себя возьму,
Захочу — Офимью за служку отдам за Панюточку.

А возьми-ка на выкуп своих детушек:
Первую мису наклади злата-серебра,
Другую мису скатна жемчуга,
Третью мису камня драгоценного.

Как тая злая баба зубатая
Накладала мису злата-серебра,
Другую мису скатна жемчуга,
Третью мису камня драгоценного,
Приносила-то ко солнышку ко Владимиру,
Говорила сама таковы слова:
— Ай же ты, солнышко Владимир стольнокиевский!
Ты прими-ка даровья драгоценные,
Дай-ка мне силушки шесть полков
Поймать молода Хотёна честно-Блудова.

Владимир князь стольнокиевский
Принимал даровья драгоценные,
Давал ей силушки шесть полков.
И пошли оны воевать со Хотёнкою.
А попал Хотён честно-Блудов сын
Со своим со служкою с Панюточкой
На тыи полки па княженецкие,
Вскричал-то он громким голосом
— Ай же ты, силушка княженецкая!
Вы свяжитесь на кушачики шелковые по десяточку,
Воротись-ка ко князю ко Владимиру,
Кричите-тко сами во всю голову:
«Ай же ты, Владимир стольнокиевский!

Как твоя-то силушка полонена —
Полонил-то млад Хотён честно-Блудов сын!»

Молодой Хотён честно-Блудов сын
Приезжал к тому поселушку ко вдовиному,
Скричал-то громким голосом:
Все околенки хрустальны порассыпались,
Все полочки дубовые повыдались,
Все маковки на терему повыломались.
Молода-то Офимьяца, Часовая дочь,
Сидит она...

Не может припомниться от того покрику богатырского.
Этая злая баба зубатая, Часовая жена,
Накладала мису злата-серебра,
Другую мису скатна жемчуга,
Третью мису камня драгоценного,
Несла-то ко князю ко Владимиру:
— Ах ты солнышко, Владимир стольнокиевский!
Ты возьми-ка даровья драгоценные,
Назовись моей Офимьюшке (с)родником,
Чтоб взял Хотён Офимью замуж за себя.

Призывал Владимир стольнокиевский
Молода Хотёна честно-Блудова,
Говорил Владимир таковы слова:
— Что же ты, Хотёнушка, честно-Блудов сын,
Над моей роденькой насмехаешься,
Над Офимьюшкой, ближнею племянницей?
А возьми-ка Офимью замуж за себя.

Молодой Хотён-от догадается,
Он ставил копьё долгомерное во сыру землю,
Сам говорил таковы слова:
— Ах ты солнышко, Владимир стольнокиевский!
Когда Офимья тебе ближняя племянница,
Обсыпь-ко ты мое копьё долгомерное
Златом-серебром, камнем драгоценным,
И давай-ко оше города с пригородками,
Давай-ко села со приселками.

Солнышко Владимир пораздумался:
— Кто от беды откупается
А Владимир сам на беду накупается!

Обсыпал он копье-то долгомерное
Златом-серебром, камнем драгоценным,
И давал за ней города с пригородками
И давал още села со приселками,
Тут заводили оны пированьице-почестен пир,
Принимали со Офимьюшкой златы венцы.

(Записано П.Н.Рыбниковым в 1860г. от его первого сказителя Леонтия Богданова, крестьянина д. Середка на Б. Климецком острове, соседнем с Кижским островом (Заонежье))

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Под ред. А. Е. Грузинского. 2-е изд. Т. I. М., 1909.